

Г. М. Бонгард-Левин

К ПРОБЛЕМЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

ОДИН из основных вопросов, который неизбежно возникает при изучении общественных отношений и структуры древнеиндийского общества, — это вопрос о характере земельной собственности и о распределении земельного фонда. От разрешения этой проблемы в значительной степени зависит и более общая проблема социальной структуры древнеиндийского общества. К сожалению, вопрос о земельной собственности в древней Индии до сих пор не получил удовлетворительного разрешения в научной литературе. Правда, такое положение характерно не только для индологических работ. Проблема земельной собственности — одна из самых дискуссионных и в работах по древним обществам Ближнего Востока¹. Во многих исследованиях (и общих, и специальных) нет полной ясности ни в вопросе о различных видах земельной собственности, ни в трактовке вопроса о царской собственности и т. д. Более того, немалая путаница существует даже в определении таких понятий, как собственность, владение, право собственности² и т. д.

Недавние дискуссии по проблемам социально-экономического развития стран Востока наглядно показали, насколько различны взгляды ученых по вопросу о земельной собственности, насколько важны научные исследования в этой области³. Именно исходя из неправильной трактовки вопроса о характере земельной собственности, некоторые исследователи отстаивали тезис об особом, «азиатском способе производства» в древней Индии.

Противоречивость взглядов по вопросу о характере земельной собственности в древней Индии объясняется не только слабостью теоретических построений: решение этого вопроса весьма затруднено отсутствием достаточного числа надежных источников. Эпиграфические материалы, содержа-

¹ См. И. М. Дьяконов, Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1967, № 4, стр. 13—35; он же, Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии, НАА, 1966, № 1, стр. 44—58.

² Полемика по этому вопросу приведена в книге: Л. Б. Алаев, Южная Индия, Социально-экономическая история XIV—XVIII веков, М., 1964, гл. III. См. также К. З. Ашрафян, Аграрный строй Северной Индии (XIII — сер. XVIII в.), М., 1965; она же, Проблемы развития феодализма в Индии, НАА, 1969, № 4, стр. 68—79.

³ См. сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966; Ю. И. Семенов, Проблема социально-экономического строя древнего Востока, НАА, 1965, № 4, стр. 69—90.

щие данные о землевладении, появляются лишь в первые века нашей эры. Еще к более позднему времени относятся некоторые брахманские сборники — *шастры*, где сохранились правовые нормы в трактовке отдельных вопросов собственности на землю.

Исследователи древней Индии не располагают хозяйственными отчетами, архивными материалами или частноправовыми документами. Поэтому приходится прибегать к отдельным свидетельствам религиозной литературы и брахманских сборников, где вопросы землевладения, естественно, находили очень слабое освещение.

Особое место занимает политический трактат Каутильи «Артхашастра», где подробно разбираются вопросы не только государственного устройства, но и экономического развития. Наибольшее внимание Каутилья уделяет хозяйству царя, организации и управлению царских поместий. Данные о частных хозяйствах в этом трактате незначительны.

Несмотря, однако, на отрывочность наших сведений и специфику источников, в целом представляется возможным в основных чертах представить общую картину развития землевладения и выявить некоторые особенности поземельных отношений в древней Индии.

Если некоторые современные исследователи не всегда четко проводят грань между собственностью и владением, то древние индийцы, хотя могли и не понимать экономическое содержание обоих понятий, на практике осознавали разницу между собственностью и использованием (владением). Это нашло отражение в источниках.

На основании анализа большого документального материала еще Ю. Йолли пришел к выводу, что индийцы различали собственность, обозначая местоимением *svam* «свой» и терминами — *svatra*, *svāmya*, *svāmin*, *svāmitva* и др., и владение (пользование), увязывая с глаголом *bhuj* («пользоваться», «наслаждаться») и производными от него (*bhukti*, *bhoga*, *upabhoga* и т. д.)⁴. Понятие собственности в отличие от пользования нашло отражение в *дхармасутрах*, которые устанавливают основные пути, приводящие человека к состоянию собственника (*svāmin*). В «Гаутама-дхармасутре» (X, 39), например, говорится, что человек становится собственником (*svāmin*) путем наследования, покупки, раздела, захвата и находки.

В поздних *дхармашастрах* вопрос о собственности разбирается уже более подробно. Показательно, что в некоторых *шастрах* проводится мысль, что для обладания собственностью недостаточно только самого факта пользования, но необходимо придать этому еще и законный характер⁵.

Согласно «Яджнавалкье» (II, 28), пользование (*bhoga*) получает законность, когда оно сопровождается ясным, официальным подтверждением (правом)⁶. «Нарада» (I, 84—85) устанавливает более сложные «законы», по которым факт пользования без ясного подтверждения законности не является основанием для обладания собственностью⁷. Не имея таких законных прав, владелец мог рассматриваться даже как вор⁸.

⁴ Подробно см. J. Jolly, *Recht und Sitte* (Cründriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde), Strassburg, 1896, стр. 90.

⁵ См. S. K. Maity, *The Economic Life of Northern India in Gupta Period* (cir. A. D. 300—500), Calcutta, 1957, стр. 12; U. M. Ghoshal, *Agrarian System in Ancient India*, Calcutta, 1930, стр. 85.

⁶ *Agamena viśuddhena bhogo yāti prāmanatām aviśuddhāgamo bhogaḥ prāmaṇyaṃ naiva gaschhati*. Та же идея изложена в «Брихаспати» (VII, 24—26).

⁷ В «Законах Ману» (VIII, 200) говорится: «Где пользование (*sambhoga*) очевидно, но не видно права на владение (*āgama*), там право на владение (должно быть) доказательством (собственности) — не пользование: таково правило» (см. «Законы Ману», перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным, М., 1960, стр. 164).

⁸ «Нарада», I, 86—87.

Такие установления были разработаны в *джармашастрах*, относящихся к первым векам нашей эры; в более ранний период, очевидно, еще не существовало столь строгих правил и большую роль продолжали играть старые традиции обычного права.

Так обстояло дело, по всей видимости, и с вопросом о собственности на землю. Впервые вопрос о собственности на землю стал предметом обсуждения в «Законах Ману», но и в них получил отражение принцип, уходящий в далекое прошлое: «поле — вырубившего лес, животное — (поразившего его) стрелка» (IX, 44)⁹. Эта же идея сохранилась и в «Миллиндапанхе»: если человек, очистив лес, получает землю (пригодную для обработки. — Г. Б.-Л.), люди говорят — „это его земля“. Поскольку он сделал землю пригодной, он собственник земли (*bhūmisāmiko*)»¹⁰.

Такое положение могло иметь место, конечно, лишь в период, когда еще существовало много свободной земли и люди относились к земле «с наивной непосредственностью» (К. Маркс), когда государство еще не предъявило свои строгие права на все пустоши и необработанные земли, когда вопрос о законности собственности еще не стал актуальным.

В магадхско-маурийский период, например, такого положения уже не существовало, хотя еще не были разработаны и те строгие правовые нормы, которые мы находим в более поздних *джармашастрах*¹¹.

Однако с определенностью можно говорить о том, что во второй половине I тыс. до н. э. происходит дальнейшее развитие концепции собственности на землю, и прежде всего частной собственности¹². Получает разработку и вопрос о правах собственника земли.

Уже в палийском каноне, а затем и в ранних *шастрах* земля рассматривается наряду с другим недвижимым и движимым имуществом как собственность домохозяина. В «Суттанипате» (X, 11) монах-*бхикшу*, у которого нет детей, скота, обрабатываемой земли (*khetta*), дома, противопоставляется домохозяину, владеющему всем этим. «Махавагга» (III, 11, 4) перечисляет обрабатываемую землю (*khetta*) наряду с другим имуществом (золотом, скотом, местом для жилья, рабами и рабынями), которое может быть предложено монаху мирянкой и от которого он должен отказаться. Некоторые данные о частном землевладении мы находим в «Артхашастре». Каутилья употребляет термин *svāmika* — собственник (*svāshuam* — собственность), говоря о продаже земли (III, 9) и о нарушении прав собственника (III, 10).

У «Ману» (VIII, 264) обрабатываемое поле перечисляется наряду с домом, прудом и садом среди основных категорий собственности частного лица, за незаконное присвоение которых полагается большой штраф.

В палийских источниках содержится немало примеров о границах между земельными участками, принадлежавшими отдельным лицам, которые называются *khettapāti*, *khettsāmiko* — собственниками поля, обрабатываемой земли¹³.

Среди землевладельцев существовала резкая дифференциация: наряду с богатыми владельцами крупных поместий значительную группу сос-

⁹ *Sthānucchēdasya kedāram āhuh śālyavato mṛgam.*

¹⁰ ... *koci puriso vanam sodhitvā bhūmim nīharati, tassa sā bhūmiti jano voharati na c'esā bhūmi tena pavattitā tam bhūmim kāraṇam karvā bhūmisāmiko nāma hoti* (IV, 5, 15).

¹¹ См. «Брихаспати» (VII, 28).

¹² Подробнее см. L. G o p a l, *Ownership of Agricultural Land in Ancient India*, JESHO, 1961, IV, № 3, стр. 240—241.

¹³ Например, *Jātaka*, IV, 281; III, 301. В джайнских источниках имеется много сообщений о существовании частного землевладения (A. K. V o s e, *Agriculture*, IHQ, 1934, X, № 2, стр. 291).

тавляли владельцы небольших клочков земли, обрабатывавшие их силами своей семьи, которые также были собственниками принадлежащей им земли.

Размеры крупных поместий были весьма значительны; уже в «Суттанипате» (I, 4), одном из самых ранних буддийских канонических сочинений, упоминается частное хозяйство брахмана, где землю обрабатывали с помощью 500 плугов. Судя по источникам, земельная площадь измерялась иногда и несколькими сотнями *карисов*¹⁴. Владельцами таких поместий были богатые брахманы, крупные *сеттли* (торговцы и ростовщики); в республиках — прежде всего *кшатрии-раджи*. В «Суванна-какката-джатаке» (III, 293) повествуется о земледельческом хозяйстве в 1000 *карисов* земли, принадлежащем брахману. Земля обрабатывалась здесь трудом рабов и наемных работников — *кармакар*. О столь же значительном частном землевладельческом хозяйстве сообщает и «Саликедара-джатака» (№ 484, IV, 276). Поместье принадлежало брахману, который половину земельной площади сдавал в аренду, а остальное обрабатывал с помощью рабов и *кармакар*. В крупных частных поместьях имелись управляющие, которым владельцы часто поручали ведение хозяйства. Нам известно об одном из них, который рассказывал умирающему хозяину о его полях¹⁵.

Интересные свидетельства сохранились в «Самютта-никае» (I, 172) о земледельческом хозяйстве брахмана, который велел применять 500 плугов для вспашки и посева. Согласно комментарию Буддхагхоши, для этого использовали 3000 волов¹⁶. Обработку полей проводили земледельцы, именуемые *kassaka-purisa* (очевидно, наемные работники).

Крупные поместья имелись как в монархиях, так и в республиках. В последних земля принадлежала главным образом кшатрийским родам¹⁷. На этих землях также использовался труд рабов, принадлежавших *кшатриям*, и труд наемных работников — *кармакар*, работавших за определенное вознаграждение.

Наряду с богатыми землевладельцами существовали хозяйства средних и мелких частных земельных собственников. Они и составляли большинство частных собственников земли. В одной из *джатак* (IV, 281) говорится о земледельческом хозяйстве в 8 *карисов*. Многие земледельцы — члены общины — сами обрабатывали свои участки или прибегали к помощи домоладцев. В *джатаках* рассказывается о земледельцах, которые сами тащат плуг для обработки участка земли (III, 162; IV, 276). В хозяйствах средних земледельцев имелось, очевидно, несколько рабов, которые помогали в земледельческих работах (III, 162). У них было и больше возможностей для найма *кармакар*.

Права собственника строго охранялись. В *шастрах* мы находим довольно подробные положения, направленные на защиту прав собственников имущества, в том числе и земли. В «Артхашастре» (III, 16) имеется специальный раздел, в котором излагаются основные права собственника. Владелец имущества мог возбудить судебное дело против человека, который в его отсутствие завладел имуществом. Правда, Каутилья ограничивал этот срок 20 годами. «Владелец не имел права возбуждать дело по поводу недвижимости, если он не обращал на нее внимания

¹⁴ Один *карис* равняется примерно 0,25 га.

¹⁵ Д. Р. Ч а н а н а, Рабство в древней Индии, М., 1964, стр. 73.

¹⁶ *Sāratthappakāsinī*, I, стр. 242.

¹⁷ Подробнее см. Г. М. Б о н г а р д - Л е в и н, Некоторые черты сословной организации в ганах и сангхах древней Индии, сб. «Касты в Индии», М., 1965, стр. 109—132.

в течение 20 лет и она стала местопребыванием других»¹⁸. Весьма важным для защиты прав собственника, в том числе и собственника земли, было положение, что если даже родственники или брахманы заселяют недвижимость в отсутствие владельцев¹⁹, то они не имеют права присвоить себе эти недвижимости на том основании, что они ими пользовались. «Дар или продажа,— говорят „Законы Ману“, — произведенные несобственником, должны быть призваны „недействительными, согласно правилу судопроизводства“» (VIII, 199). Таким образом, лишь сам собственник решал вопрос о продаже или передаче принадлежавшего ему имущества, в том числе и недвижимого (включая и землю), и эти права охранялись государством. «Если земля,— говорит Каутилья,— составляющая неотчужденную собственность лица, которое само ее не возделывало, обрабатывается другим в течение 5 лет, то (возделывающий) возвращает ее (собственнику), причем получает от последнего вознаграждение в соответствии с затраченным трудом» (III, 10). Сходные положения изложены и у «Нарады» (XI, 23—24). За незаконный захват земель взимался большой штраф. За незаконное присвоение полей, которые рассматриваются Каутильей как предмет большой ценности, полагался штраф как за грабеж — от 200 до 500 *пан* (III, 17). «Устраивающий на чужой земле оросительные сооружения, колодцы, места паломничества или возводящий святилища и храмы... подвергается среднему виду штрафа *сахаса*» (Арх., III, 10). Согласно «Гаутаме» (XIII, 17), наказанием за кражу земли было попадание в ад. При похищении поля можно было очиститься лунным покаянием («Ману», XI, 164), к которому прибегали лишь при совершении страшного греха. Никто не имел права вмешиваться в дела собственника земли. Вором объявлялся тот, кто продает собственность другого, не будучи собственником или без согласия собственника («Ману», VIII, 197). Даже устраивающим на чужой земле оросительные сооружения следовало уплатить штраф (Арх., III, 10). Штраф взимался и за возведение на чужой земле святилищ и храмов (Архт., III, 10). Еще более подробно эти положения были разработаны в поздних *шастрах* — «Нараде» и «Яджнавалкье». В «Яджнавалкье» (II, 155), например, устанавливается штраф за брешь в границе между двумя полями и за обработку земли за границами поля, принадлежащего частному лицу.

Если наносился ущерб посевам на чужих полях, то собственнику этих земель должен был быть возмещен причиненный ущерб (Архт., III, 9). Только собственник земли пользовался ее плодами. «Кто, не являясь владельцем поля, но имея семена, засеивает чужое поле, те никогда не получают плода выращенного урожая» («Ману», IX, 49). «Если на поле кого-нибудь произрастает семя, принесенное водным потоком или ветром, это семя — владельца поля: владелец семени не получает плод» (IX, 54).

Если при продаже имущества, в том числе земли, об этом было объявлено без участия хозяина, государство могло взыскать штраф. Однако если собственник земли сам нарушил обязательство по продаже, то и он подвергался штрафу.

¹⁸ «Артхашастра», III, 16 (см. «Артхашастра или наука политики», М.— Л., 1959, стр. 208). В различных источниках приводятся разные периоды пользования землей, после которых совершался ее переход к новому владельцу. У «Гаутамы» (XII, 37) и «Ману» (VIII, 147—148) этот период ограничен 10 годами; «Яджнавалкья» (II, 24) солидаризируется с Каутильей. У «Брихаспати» и «Нарады» срок значительно больше — 60 лет. Возможно, что расширение сроков в более поздних источниках было связано с резким уменьшением свободной земли и усилением частного землевладения (см. Gopal, *Ownership ...*, стр. 244—245).

¹⁹ Мы следуем здесь за интерпретацией Й. Мейера, которая представляется более удачной, чем принятая в русском переводе — «в отсутствие властей» (стр. 208).

Собственник принадлежащей ему земли мог ее продать²⁰ (хотя и существовали, как мы увидим дальше, определенные ограничения), подарить²¹, заложить, сдать в аренду и т. д., т. е. он обладал с юридической точки зрения всеми правами собственника и мог распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению.

В источниках имеются данные о продаже и дарении частным собственником части принадлежащей ему земли. В «Саликедара-джатаке» (IV, 281), рассказывается, например, о дарении брахманом части земли своего поместья, в «Чуллагаге» (IV, 4,9) — о покупке сада кушом у церевича. На возможность продажи и покупки земли, в том числе даже и оросительных сооружений, указывает также и «Артхашастра» (III, 9). В ранних *дхармасутрах*, которые большинство ученых относит к V—III вв. до н.э., имеются сообщения о сдаче в аренду земли частным собственникам. В «Апастамбе» (II, 11, 28) даже устанавливаются правила для арендатора частных земель, который должен заплатить собственнику земли, если из-за его недостаточного усердия земля не принесла ожидаемый урожай. В *дхармасутрах* имеются и свидетельства дарения земли. «Васиштва» (XXIX, 16), например, говорит, что дарение земли (bhūmidāna) может очистить человека, совершившего тяжелый грех. В «Ангуттараникае» (II, 209) говорится, что человек, уходящий в монахи, должен воздерживаться от получения в дар обработанной и необработанной земли, отсюда вытекает, что обычный мирянин мог получать в дар земельные участки.

Свидетельства нарративных источников подтверждаются и эпиграфическими материалами. Правда, большинство надписей о дарении и продаже земли относится к эпохе Сатаваханов и Вакатаков. Судя по надписям, в первой половине I тыс. н.э. частное землевладение получило широкое распространение, что, возможно, уже отражало и появление новых черт социально-экономического развития. Особенно многочисленны примеры частного землевладения в надписях гуптской эпохи. Здесь мы встречаемся с дарением земли брахманам, с передачей различного рода иммунитетных прав и т. д.²²

Сатаваханские надписи говорят о различных категориях собственников земли. Это и *махаратхи*²³, занимавшие важное положение в государственном аппарате, и брахманы²⁴, и просто буддисты-миряне²⁵. Частные лица, судя по эпиграфике, были собственниками разных по величине земельных участков: в 2, 3, 4, 8, 9, 12, 20,²⁶ *нивартанов*²⁶. В вакатакский период среди собственников земли мы встречаем и торговцев²⁷.

Особый интерес представляет надпись Ушавадатты — зятя шакского правителя Нахапаны, который выступает в надписи как представитель царской власти²⁸. В этой надписи из Насика говорится, что Ушавадатта

²⁰ См. N. N. K h e r, Land Sale in Ancient India (321 B. C.— 320 A. D.), JOIB, 1963, XII, № 3, стр. 259—263.

²¹ Подробнее см. P. V. K a n e, History of Dharmaśāstra, vol. II, pt. II, Poona, 1941, стр. 857—859.

²² См. R. S. S h a r m a, Indian Feudalism: 300—1200 A. D., Calcutta, 1965, гл. I.

²³ EI, VII, стр. 61.

²⁴ EI, VIII, стр. 79.

²⁵ Там же, стр. 77.

²⁶ См. G. L. A d h y a, Early Indian Economics (Studies in the Economic Life of Northern and Western India, 200 B. C.— 300 A. D.), Bombay, 1966, стр. 28. Согласно «Баудхьяна-дхармасутре» (III, 2, 2—4), у одного из брахманов было 6 *нивартанов* земли (см. K a n e, History of Dharmaśāstra, vol. II, pt. II, стр. 859, прим. 2024).

²⁷ EI, XXIV, стр. 55.

²⁸ EI, VIII, стр. 78—79.

дал монахам поле (*ksetram*), которое он лично (*hathe* — букв. «с рук, из рук») купил (*kīpita*) у брахмана за 4000 *каршан*, причем это поле, согласно тексту, принадлежало отцу брахмана.

Показательно, что Ушавадатта, несмотря на свою власть, не мог подарить монахам землю, принадлежавшую брахману. Он должен был прежде, чем распорядиться ею, как своей собственной, купить ее у брахмана.

Следует иметь в виду, что права владельца на продажу и дарение земли не были всегда безусловными, а часто ограничивались, прежде всего общиной, поскольку большинство земледельцев-собственников небольших земельных участков были общинниками, а также государством.

В рассматриваемый нами период влияние общины было велико, и она всячески стремилась помешать развитию частного землевладения. Это можно проследить даже по «Артхашастре» — трактату, направленному прежде всего на укрепление царской власти и, следовательно, на ослабление общины.

В главе «О продаже недвижимостей» (III, 9) Каутилья устанавливал порядок, при котором преимущественное право покупки различных видов недвижимого имущества (полей, садов, оросительных сооружений) предоставлялось родственникам, затем соседям и кредиторам и лишь после них прочим лицам. Особое положение родственников при совершении имущественных сделок подчеркивают и «Законы Ману» (VIII, 198). Если кто-либо продавал собственность другого, его объявляли вором и строго наказывали, но если он оказывался родственником владельца, на него накладывали только штраф. Об условиях сделки по продаже поля, сада или оросительного сооружения объявлялось в присутствии соседей и старейшин. «Ману» (VIII, 262) предупреждает что когда рассматривается вопрос о границах полей, садов и домов, следует учитывать мнение соседей. О том же говорится у «Нарады» (XI, 23—24) и «Брихаспати» (XIX, 26). Показательны данные «Катьяна-смирити», по которым в спорах относительно полей, домов, колодцев, садов и оросительных сооружений мнение соседей (*samanta*) было решающим²⁹. Если они отсутствовали, учитывалось мнение тех, кто раньше там проживал. Затем обращались к старейшинам (*vrddha*)³⁰. При продаже поля в селении покупатель мог приобрести его только в случае, если не возражали обладатели преимущественного права на покупку (*avyahatam*)³¹, т.е. старейшины. В комментарии Митакшары (к «Яджнавалкье», II, 114) сообщается, что продажа участка (очевидно, общинника) производилась только с согласия деревни (*grāma*), родственников, соседей.

Вместе с тем существование общины ограждало земельных собственников от посягательств на их права. «Она, — писал К. Маркс, — с одной стороны, есть взаимное отношение между свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия»³². Община защищала своих членов от давления со стороны государства, которое старалось держать под контролем хозяйственную жизнь частных собственников, в том числе и общинников.

²⁹ L. G o r a l, *Sāmanta, Its Varying Significance in Ancient India*, JRAS, 1963, 1—2, стр. 21—37.

³⁰ «Kātyāyana», № 734, см. D. H. J h a, *Revenue System in Post-Maurya and Gupta Times*, Calcutta, 1967, стр. 11.

³¹ Артх., III, 9; R. P. K a n g l e, *The Kautiliya Arthaśāstra, pt II (An English Translation with Critical and Explanatory Notes)*, Bombay, 1962, стр. 253.

³² К. М а р к с, *Формы, предшествующие капиталистическому производству; К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с*, Соч., т. 46, ч. I, стр. 466.

Даже имущественные сделки внутри общины в ряде случаев проходили при участии представителей государственной власти. Строго следило оно за финансовыми операциями, стремясь получить определенную сумму при всяком нарушении установленных норм. Если при продаже поля, сада или оросительного сооружения из-за торга покупателей цена на эти недвижимости возрастала, излишек должен был поступить в казну (Артх., III, 9); при нарушении правил продажи накладывались солидные штрафы; более того, если при тяжбе между селениями о полях спорящие не достигали соглашений, то поля переходили государству. Очевидно, они попадали в разряд земель, которые уже не могли считаться собственностью частных лиц и общины, а потому право распоряжаться ими получало государство в лице царя. Коль скоро по каким-либо причинам границы между земельными участками не были установлены, то раздел их производился царем по его усмотрению (*yathopakaram vibhajet*). Это заставляло и частных собственников, и общину в целом внимательно следить за состоянием пограничных знаков: государство, очевидно, использовало всякую возможность, чтобы распорядиться землями, которые могли оказаться в разряде «не имеющих границ». К нему переходила недвижимость (земля) и при отсутствии хозяина (*pranaṣtasvāmikam*) и наследников (Артх., III, 9).

Верховная власть в стране принадлежала царю, и он, будучи сувереном, имел возможность воздействовать на все стороны жизни государства. Правитель считался охранителем заселения и имущества. «Господином земли» называли его «Законы Ману» (VIII, 3, 9) и комментатор Медхатитхи, однако на практике это не означало, что он был собственником всей обрабатываемой земли³³. Владельцы уплачивали ему определенную часть урожая (обычно одну шестую) как защитнику их прав на владение землей. «Взиманием налогов поддерживаемые цари, — сказано в „Артхашастре“, — доставляют подданным безопасность обладания имуществом... Поэтому даже лесные отшельники отдают шестую долю собранных ими колосьев, говоря: это доля того, кто нас охраняет» (I, 13). Та же идея получила отражение в *дхармасутрах* и более поздних *дхармашастрах*³⁴, в частности у «Гаутамы» (X, 24—29) и «Нарады» (XVIII, 48). В «Бхудхаяна-дхармасутре» (I, 10, 18) говорится: «Пусть царь защищает своих подданных, получая одну шестую часть в качестве вознаграждения (*śadbhāga*)». В эпосе его часто именуют *шадбхагин* — «получающий одну шестую». Показательно, что мысль о вознаграждении государя за охранительные функции, выполняемые им, присутствует не только в брахманских, но и в буддийских источниках³⁵.

Многие комментаторы сочинений школы «Мимансы» объясняли, что царь получает налоги не потому, что он собственник земли, а потому, что в качестве суверена обязан защищать своих подданных³⁶. Именно таким образом древнеиндийские теоретики обосновывали право прави-

³³ Л. Гошал отмечает, что, когда Медхатитхи говорит о царе как о хозяине земли, он имеет в виду не собственника всей обрабатываемой земли, а правителя, чья власть распространяется на все в государстве (см. L. G o p a l, *The Economic Life of Northern India*, Delhi, 1965, стр. 4).

³⁴ Подробнее см. U. N. G h o s h a l, *A History of Indian Political Ideas*, Oxf., 1959.

³⁵ Подробнее см. J h a, *Revenue System ...*, стр. 18—19; E. W. H o p k i n s, *The Social and Military Position of the Ruling Caste in Ancient India*, JAOS, 1889, XIII, стр. 85—87.

³⁶ J. G o n d a, *Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View*, Leiden, 1966, стр. 11. Согласно, например, Нилакантхе, царь не владеет всей землей, а как завоеватель и охранитель осуществляет свою власть путем сбора налогов. Эта идея получила отражение и в сочинениях других поздних комментаторов.

теля на обложение налогом жителей страны³⁷. «Царя, не охраняющего (подданных), но получающего долю в виде налога, объявили принимающим на себя всю нечистоту народа» («Ману», VIII, 308). Его считали безнравственным человеком (*adharmah*), «вором, крадущим шестую часть» (*balisadbhāgataskara*)³⁸.

Государство было крайне заинтересовано в получении установленной доли продукции. Если урожай был плох по нерадению владельца, на того налагался штраф, что, по справедливому замечанию П. Кане, свидетельствует не о том, что царь был собственником всей земли, а о стремлении получить причитающуюся ему часть в виде налога³⁹. В «Артхашастре» (III, 10) говорится, что если во время посева собственник поля (*ksetrika*) отдавал свой участок (очевидно, передавал кому-нибудь другому на определенных условиях) или если арендатор (*uravāsa*) покидал участок, который он должен был обработать, то с них взималась сумма, равная 12 *pan*. Примечательно, что и первый и второй наказывались одинаково: государство заботило прежде всего состояние полей, с которых оно получало свою часть.

Этим объяснялось и запрещение плательщикам налогов селиться в необлагаемой деревне (*akaradagrāma*). За совершение такого проступка на них накладывался штраф. Но если новая деревня не обладала таким особым статусом, они не подвергались давлению (Артх., III, 10). Иными словами, оберегая права плательщиков налогов и вместе с тем неприкосновенность своих прав, государство принимало соответствующие меры⁴⁰.

Оно стремилось обеспечить бесперебойное поступление податей с частных земель и потому через специальных налоговых чиновников (помощников главного сборщика налогов — *samahartr*) наблюдало за тем, чтобы земледельцы вовремя начинали сев на принадлежавших им участках (Артх., V, 2). В этой связи надо рассматривать положение «Артхашастры» (II, 1) о запрещении жителям деревень, не обеспечившим свою семью, уходить в монахи. Даже старики могли стать аскетами лишь по разрешению судей. Конечно, не судьба бедных селян беспокоила Каутилю, он старался оградить государство от возможного ущерба: ведь с аскетов налог не брали, а оставленные без средств жители тоже не смогли бы вносить в казну причитающуюся часть урожая. Не потому ли Каутилья советовал царю не допускать аскетов в селения?

Право сбора налога с определенной податной единицы государь мог передать отдельным лицам. Очевидно, в этом смысле следует толковать данные источников о царском дарении деревень монахам и брахманам⁴¹. В надписи царицы Готами Баласири из династии Сатаваханов говорится, например, о передаче монахам *грамы* и об отказе получать с нее подати (*savajatabhoganirathi*). Царь не мог свободно распоряжаться деревней, если она находилась не на его землях, но он мог переуступить свое право сбора налогов, которым владел как верховный правитель. *Джатаки* (III, 229), сообщая о дарении деревень брахманам, указывают на получаемый с них доход.

³⁷ G o n d a, Ancient Indian Kingship ..., стр. 11.

³⁸ Mbh., I, 213, 6; G o n d a, Ancient Indian Kingship..., стр. 11.

³⁹ K a n e, History ... vol. II, pt. II, стр. 868.

⁴⁰ Выделяемые некоторым категориям брахманов участки на государственных землях имели иной статус, так как собственником их оставалось государство (ср. Артх., II, 1 и III, 10).

⁴¹ «The State had an undivided right to the revenues from a village. That is why the grants of villages or of specified shares thereof, which mean the right to the revenue or a part of the revenue from the villages, are made only by the king» (L. G o p a l, On Feudal Polity in Ancient India, JIH, 1963, XLI, 2, стр. 410).

Государство в лице правителя обладало монополией на добычу ископаемых и соли. Ему, согласно «Вишну» (III, 39), принадлежит все добытое в рудниках. В некоторых текстах (например, у «Ману», VIII, 35—39) речь идет о половине кладов и металлов.

Такое положение как бы ставило царя над фактическими собственниками земли (частными и общиной), давало государству особые привилегии, которые, хотя и распространялись лишь на категорию «плодов земли», укрепляли его притязания на владение землей.

О праве царя-господина (защитника) земли наслаждаться ее дарами (сюда включалось и получение налогов) свидетельствуют многие древнеиндийские источники, но примечательно, что они отличали его от права правителя распоряжаться всей землей в качестве полного собственника, каковым тот не был⁴². Это право было только теоретическим⁴³. Царь не мог отнять участок за неуплату налогов, не должен был лишать собственника земли его прав («Брихаспати», XIX, 16—18). Если же он, используя политическую власть, так поступал, то эти действия рассматривались как незаконные. «Если побуждаемый скупостью царь прибегает к обману, отнимает у кого-либо землю и передает ее другому лицу в знак своей милости, такого рода дар не признается законным» (XIX, 22).

Полным собственником правитель был лишь на землях царского фонда (*svabhūmi*)⁴⁴, где были расположены хозяйства, которые в «Артхашастре» обозначаются как *sītā*⁴⁵. Здесь право государя было неограниченным: он мог дарить земли, конфисковать их, жаловать на известный срок и т. д.

Данные трактата Каутильи позволяют в основных чертах представить организацию царских поместий. Специальный чиновник — «надзиратель за земледелием» (*sītādhyakṣa*) ведал всеми делами, связанными с сельскохозяйственными работами⁴⁶. Вместе с помощниками он следил за севом, сбором урожая, орошением, заботился об исправности земледельческих орудий и о рабочем скоте. В его же обязанности входило наблюдение за работой кузнецов, плотников, землекопов и т. д. Очевидно, в царских хозяйствах имелись и ремесленники, которые были призваны снабжать земледельцев необходимым инвентарем⁴⁷. Им выдавали продовольствие и платили деньгами.

⁴² См. J. Duncan Derrett, *Bhū-paraṇa, Bhū-palana, Bhū-bhojana; an Indian conundrum*, BSOAS, 1959, XXII, pt. 1, стр. 108—123.

⁴³ D. C. Sircar, *Land System and Feudalism in Ancient India*, Calcutta, 1966, стр. 58.

⁴⁴ В «Артхашастре» этот термин встречается более 20 раз в связи с перечислением обязанностей надзирателя за царскими поместьями (*sītādhyakṣa*). В данном случае *svabhūmi* обозначает «царская земля», хотя некоторые переводчики (например, И. Мейер) допускают иное толкование — «на хорошо вспаханной земле» (Kangle, *The Kautīliya Arthaśāstra ...*, II, стр. 171). У Джонстона (JRAS, 1929, стр. 90—91) — «on crown lands».

⁴⁵ Подробно этот вопрос разбирается в работе: E. Ritschl, M. Scheteliсh, *Zu einigen Problemen der Eigentumsverhältnisse (speziell and Grund and Boden) im Kautīliya Arthaśāstra*, MIO, 1966, XI, 2, стр. 319—337; W. Ruben, *Die Gesellschaftliche Entwicklung im alten Indien. Bd I. Die Entwicklung der Produktion Verhältnisse*, В., 1967, стр. 137—140.

⁴⁶ Брелер ошибочно полагал, что *sītādhyakṣa* был ответственным за обработку поля и сбор урожая во всем государстве, а не только на собственно царских землях (В. Велоер, *Kautīliya-Studien*, Bd I, Bonn, 1927, стр. 74—79). Критику этого взгляда см. Kangle, *The Kautīliya Arthaśāstra*, pt. III (A Study), Bombay, 1965, стр. 169—170.

⁴⁷ У Панини (VI, 2.63) и в *джатаках* (V, 290) упоминаются царские горшечники (*rāja-kulāla, rāja-kumbhākāra*), а в *джатаках* также и царские садовники (*rāja-mālākāra*, V, 292).

На землях царя трудились рабы, наемные работники (*кармакара*) и «отрабатывающие штраф», а также земледельцы-арендаторы, получавшие половину урожая (*ardhasitika*), и издольщики, которых комментатор Бхаттасвами́н называет «живущими исключительно своей работой» (*svavīrya-urajīvinaḥ*) и которые получали всего четвертую⁴⁸ или пятую долю урожая, а то и вовсе неопределенную часть по желанию царя. Арендаторы, очевидно, владели орудиями производства, о вторых же Бхаттасвами́н говорит как о людях, не имеющих семян, быков и т. д.

К услугам земледельцев двух последних категорий прибегали в том случае, когда рабы и *кармакары* не могли обработать всю землю.

По своему положению арендаторы (*ardhasitika*)⁴⁹, обслуживавшие царские хозяйства, существенно отличались от свободных общинников, владевших собственными участками, орудиями производства и плативших налог-*бхага* (*bhāga*)⁵⁰ царю.

Поместья царя, очевидно, не составляли единого массива, а располагались в различных областях и могли соседить с землями частных собственников и общин⁵¹. По некоторым данным, иногда государь выступал владельцем отдельных участков внутри деревень⁵². В надписи из Насика⁵³ Сири Готамишута Сатакани (Шри Гаутамишутра Шатакарни) приказывает государственному чиновнику передать аскетам царское поле⁵⁴ в одной из *грам*. Чтобы приказ имел законную силу, он предлагает официально зарегистрировать дарение. В другой надписи из Насика сообщается, что подаренный аскетам участок в деревне (*kheta*) не обрабатывается, а потому царь отбирает его⁵⁵, но дает из принадлежащей ему земли (*gājakaṃ kheta*) участок в 100 *нивартанов* (примерно 120 га)⁵⁶. Из надписей явствует, что царскими в этих случаях считались не все земли деревни, а лишь те участки (хотя и весьма значительные⁵⁷), которые правитель подарил как их собственник.

По мнению некоторых ученых, различие между царскими и остальными землями прослеживается по «Артхашастре», которая выделяет *sītā* (поступления с царских поместий) и *bhāga* (налог с земель, не входивших в эту категорию)⁵⁸. Сбор поступлений с царских земель и контроль над ними осуществлял особый чиновник — *sītādhyakṣa*, с прочих земель — *samāhartr* (V, 2).

Значительную часть земельного фонда страны составляли государственные земли, к которым относились леса, необработанные поля,

⁴⁸ Ср. сообщение Мегасфена (в передаче Страбона) о получении земледельцами чет вертой части продукции.

⁴⁹ Комментатор Нандапандита расшифровывал термин *ardhika* как «тот, кто отдает царю половину продукции со своих полей» (J h a, Revenue System ..., стр. 114). По «Артхашастре» (II, 1), эти земледельцы арендовали участки в царских поместьях, согласно же «Ману» (IV, 258) и «Яджнавалкье» (I, 166), — у частных собственников. Комментатор Бхаттасвами́н пояснял *ardhasitika* как *grāmyakuṭumbinaḥ*, что, возможно, свидетельствует об их принадлежности к *вайшьям* — обедневшим и лишившимся земли («The Pratīpadarañcika a Commentary on 2.8.5. to 2.36.47 by Bhaṭṭasvamin», ed. K. P. J a y a s w a l, A. B a n e r j i - S a s t r i, JBORS, XII, 1926, стр. 137). Шарма видит в них шудр (R. S. S h a r m a, The Śūdras in Ancient India, Delhi, 1959, стр. 150).

⁵⁰ В. Ch. S e n, Economics in Kauṭilya, Calcutta, 1967, стр. 22—23.

⁵¹ См. G o p a l, Ownership ..., стр. 253—254.

⁵² Там же, стр. 253—254.

⁵³ EI, VIII, стр. 71—73.

⁵⁴ В тексте — «наше поле».

⁵⁵ Это подтверждает сообщение «Артхашастры» о том, что необрабатываемые участки из фонда государственных земель могли быть отобраны царем (II, 1).

⁵⁶ EI, VIII, стр. 73—75.

⁵⁷ Согласно первой надписи, участок царской земли в деревне составлял 200 *нивартанов* — примерно 240 га.

⁵⁸ См. G h o s h a l, Contribution ..., стр. 30—31; G o p a l, Ownership ... стр. 255.

пустоши. На невозделанных и заброшенных землях царь в качестве главы государства создавал новые деревни, ибо одним из принципов государственной политики, по справедливому замечанию Б. Сена, было использование всей пригодной для земледелия площади⁵⁹.

Каутилья рекомендовал заселять эти деревни *шудрами*, занимающимися земледелием (*śūdrakaṛṣaka*)⁶⁰, из расчета 100—500 семей на территории, границы которой достигают 1 или 2 *кросы* (примерно 3,5—7 км). Это позволяет предположить, что число жителей таких деревень равнялось 500—2500 (если допустить, что в среднем семья состояла из пяти человек).

Царь наделял поселенцев и служащих различных разрядов (учетчики, посыльные и т. д.) участками без права их продажи и заклада (*vikrayādhānavarjāni*). Эти земли передавались лишь в личное пользование⁶¹ и могли быть отобраны у тех, кто их не обрабатывал. Тем самым государство старалось предотвратить превращение участков в наследственные держания. Как сообщает Каутилья (II, 1), царь при заселении новых территорий предоставлял землю «плательщикам налогов» (*kaṛada*), но лишь на срок их жизни (*aikapurūṣikāni*)⁶², а это значит, что земледельцы не становились собственниками⁶³. Участки переходили к государству сразу же после смерти их временного владельца.

На вновь осваиваемых площадях земли передавались во временное пользование свободным земледельцам-арендаторам (*kaṛada* — «платящих налог *кара*»⁶⁴). Преимущественно они⁶⁵, а также *шудры* обрабатывали полученные от государства участки, становясь своего рода государственными арендаторами. В случае необходимости царь должен был помогать им зерном, скотом и деньгами, но они обязаны были затем все это вернуть. Возможно, некоторые из них имели орудия производства.

⁵⁹ Sen, Economics ..., стр. 19.

⁶⁰ Некоторые ученые считали, что в тексте речь идет о *шудрах* и земледельцах. В комментарии «Нитирити» говорится о *шудрах*-земледельцах; вторую интерпретацию предлагает комментарий *Bhāṣavyakhyānam*. Кангле (The Kautilīya Arthaśāstra, II, стр. 62) принимает вариант первого комментария.

⁶¹ G o r a l, On Feudal Polity ..., стр. 410—411.

⁶² Досл. «для одного поколения» (K a n g l e, The Kautilīya Arthaśāstra, II, стр. 63).

⁶³ K a n g l e, The Kautilīya Arthaśāstra, III, стр. 169.

⁶⁴ Под *kaṛada*, очевидно, понимались как плательщики налогов в широком смысле (Артх., III, 10), так и арендаторы государственных земель (в отличие от полноправных общинников — собственников земли). *Ка́ра* упомянут в «Артхашастре» (II, 15) среди налогов, собираемых со страны (*rāṣṭra*), в противоположность доходам с *sītā* (царского поместья). Бхаттасвами́н пояснял его как ежегодный налог, уплачиваемый в течение ряда месяцев (цит. по G h o s h a l, Contribution ..., стр. 36). По мнению У. Гхошала (там же, стр. 65), *ка́ра* являлся периодическим налогом преимущественно на обрабатываемую землю (сверх обычной царской доли в зерне). Под ним могли подразумеваться и налоги вообще, и обложения, отличные от *bhāga*. Очевидно, в данном случае арендаторы оплачивали все виды налогов, установленных для государственных земель (см. J h a, Revenue System ..., стр. 47—48).

⁶⁵ Можно допустить, что в отдельных случаях некоторые арендаторы государственных земель использовали труд рабов и наемных работников. Приглашение на вновь осваиваемые земли (но не в царских хозяйствах, где был более строгий контроль) свободных арендаторов было очень выгодным. Только в крайних случаях (судя по «Артхашастре») царь обращался к деревенским работникам и торговцам, дабы не потерять установленных доходов и «способствовать росту казны» (Артх., II, 1). Статус — *grāmahṛtakas* (в русском переводе — «сельские наемники», стр. 53) не совсем ясен. Кангле (The Kautilīya Arthaśāstra, III, стр. 196—197) полагает, что это визитные служащие провинциального аппарата в деревнях, так как они, согласно Каутилье, получали жалование. Шарма также видит в *grāmahṛtakas* деревенских чиновников (S h a r m a, Śūdras ..., стр. 148). Сен (S e n, Economics ..., стр. 18) думает, что этим «слугам деревни» давали земли вместо жалования и они должны были обработать участки. Торговцы сами, очевидно, не занимались обработкой, а лишь обеспечивали ее, получая в итоге какой-то доход и отдавая государству положенную норму.

Из государственного фонда правитель, судя по свидетельствам «Артхашастры» (II, 1), мог давать наставникам, домашним жрецам и брахманам (*brahmadeyaṇi*) земли, освобожденные от взысканий и налогов (*adaṇḍa-kaḡāni*)⁶⁶ и приносившие соответствующий доход⁶⁷.

Эти земли выделялись на целине и по своему статусу отличались от земель частных собственников. Государство, очевидно, освобождало брахманов от выполнения обязательств, которые обычно налагались на подобных владельцев, и предоставляло им неограниченное право пользования продукцией с этих участков⁶⁸. Следует сказать, что их получали только некоторые категории брахманских жрецов⁶⁹ (земли типа *brahmadeya* царь мог дать и из своего личного фонда *gāja-bhoga*⁷⁰... *gājadāyaṃ brahma-deuyaṃ*⁷¹).

В надписях Сатаваханов и Вакатаков появляются уже свидетельства и о предоставлении царем иммунитетных прав. Вместе со своей землей он даровал, скажем, и право добычи соли на ней. Встречаются упоминание о получении владельцем участка права пользования пастбищами, а также сведения, касающиеся освобождения от необходимости сдавать царю шкуры, уголь, цветы и т. д.⁷² Государство в лице правителя специальным постановлением должно было закрепить эти привилегии за новым владельцем⁷³.

Надписи первой половины I тыс. н. э. отражали уже новые явления в общественных отношениях, связанные с развитием феодализма и феодальной собственности⁷⁴.

К сожалению, мы почти не располагаем материалами о коллективной собственности на землю, в том числе общинной, и о монастырском землевладении, которое также, безусловно, может служить примером коллективной собственности⁷⁵. Свидетельства *джатак*, «Артхашастры» и

⁶⁶ Любопытно, что в тексте указывается на освобождение от обложения типа *кага*, отличного от обычной «царской доли» (*śaḍbhāga*). Не исключено, что имелось в виду освобождение от поборов, которыми облагались государственные земли.

⁶⁷ Эту интерпретацию принимал А. И. Востриков («Артхашастра, или Наука политики», стр. 53). Он следовал чтению *abhiḡra-ḍaya kāni* малайяламской рукописи, однако Кангле, хотя и признает возможность такого перевода, считает это толкование поздним и не соответствующим оригиналу. На основании других рукописей и комментариев он предлагает чтение *adhīrūpadāyadākāni* и переводит: «with inheritance passing on to corresponding heirs» (K a n g l e, *The Kautiliya Arthaśāstra*, II, стр. 630). Комментарий «*Nītirīti*» объясняет данный отрывок как «(переход земли) к наследникам того же типа, что и человек, кому первоначально был передан дар», т. е., очевидно, лишь к определенным разрядам брахманов.

⁶⁸ K a n g l e, *The Kautiliya Arthaśāstra*, III, стр. 711.

⁶⁹ В ряде источников сообщается, что только некоторые брахманы (в частности, *шротрии*) освобождаются от налогов. В этом отрывке «Артхашастры» тоже говорится о *шротриях* (подробно см. J h a, *Revenue System ...*, стр. 24).

⁷⁰ О *bhoga* в значении «царская территория» см. J h a, *Revenue System ...*, стр. 148. Что касается поздних надписей, то можно предложить и другое толкование для *gāja-bhoga* (букв. «наслаждение царя»): передача права сбора налогов, которое принадлежало царю. В ряде источников термином *bhoga* обозначается определенный вид обложений.

⁷¹ *Dīgha-Nikāya*, I, 4, 1; XII, 4, 1.

⁷² EI, XXII, стр. 173; CII, III, стр. 235.

⁷³ CII, III, стр. 236.

⁷⁴ Подробнее см. Е. М. Медведев, Эволюция и формы индийских дарственных грамот и их происхождение (III—XII вв.), «История и культура древней Индии», М., 1964; о н ж е, К вопросу о формах земледелия в Северной Индии в VI—VII вв. н. э., ПВ, 1959, № 1, стр. 49—61.

⁷⁵ Очень интересный материал, относящийся к более позднему времени, сохранился в комментариях Буддхагхоши (например, *Samantapāsādikā*, VI, стр. 1246—1247), который подробно повествует о собственности монастырей, в том числе земельной собственности (подробнее см. S. D u t t, *Buddhist Monks and Monasteries of India*, I, 1962).

более поздних *шастр* указывают на существование в изучаемую эпоху права общины на землю, но каковы были размеры общинных земель и управление ими — сказать трудно. В «Артхашастре» (III, 9) говорится о границах между селениями, которые строго охранялись. Наличие пограничных знаков — важное свидетельство права собственности отдельных общин на землю ⁷⁶.

В главе (II, 35), посвященной обязанностям главного сборщика налогов, Каутилья называет виды земель, которые имеются в деревнях и которые подлежат обложению. Устанавливая границы селения, сборщик должен был определять общую площадь, учитывать земли пахотные и непахотные, сухие места, сады, оросительные сооружения, пастбища, регистрировать границы между земельными участками, принадлежавшими отдельным лицам, и общеобщинными землями, куда включались, очевидно, лесные участки, дороги, пастбища. В главе «Надзиратель за кладовыми» (II, 16) Каутилья перечисляет основные доходы, и среди них наряду с шестой долей (*ṣaḍbhāga*) — налогом, уплачиваемым царю всеми землевладельцами, *piṇḍakaṅga*, который, согласно комментарию Бхаттасвамины, являлся общим налогом с деревень ⁷⁷. Очевидно, общинная администрация уплачивала царю налоги с общеобщинных земель. Согласно «Артхашастре» (III, 10), частные лица — члены общины — подвергались штрафу, если нарушали правила, касающиеся этих земель (в том числе пастбищ, дорог и т. д.).

Интересный материал содержится в источнике IV—V вв. «Миманса-сутре» Джаймини и у его поздних комментаторов ⁷⁸. Рассматривая вопрос о том, что может человек отдать как свое собственное, Джаймини приходит к заключению, что землю не может отдать даже царь, поскольку она принадлежит всем (*na bhūmih syātsarvānpratyaviśiṣṭatvāt*, VI, 7, 3). Комментатор Шабарасвамины в своем сочинении «Миманса-даршана» подробно разбирает этот вопрос и высказывает мнение, что царь и прочие люди имели равные права. Существование подобной точки зрения и длительная дискуссия по этому вопросу в индийской традиции ясно указывают на сохранение большой роли общины и ее прав на землю и в гуптский период.

Таким образом, материалы источников указывают на множественный характер земельной собственности в древней Индии, где наряду с государственными и царскими землями имелись земли частные и общинные. Наличие разных форм собственности осталось непонятым Мегасфену, считавшему, что если земледельцы платят налоги царю, то «вся Индия является царской собственностью, и никакому частному лицу не разрешается владеть землей» (Диодор, II, 40, 5). У Страбона, тоже опиравшегося на Мегасфена, записано, что «земля там принадлежит царю. Земледельцы обрабатывают землю за плату... в размере четвертой части урожая» (XV, 1, 40). Допустимо предполагать, что Мегасфен, живя в Паталипутре, имел возможность наблюдать именно за царскими землями, на которых работали и свободные земледельцы за определенную плату ⁷⁹. Отсюда, вероятно, и свидетельство Страбона о получении земледельцами лишь четвертой части урожая за обработку земли, что резко расходится с данными источников, говорящих об уплате царю налога в шестую или восьмую долю урожая. Не исключено, что у Страбона речь идет о земле-

⁷⁶ Sen, Economics ..., стр. 130.

⁷⁷ Ghoshal, Contribution ..., стр. 37.

⁷⁸ См., например, K. P. Jayaswal, Hindu Polity, Bangalor, 1955, стр. 330—335; Kane, History of Dharmaśāstra, II, стр. 865—866; Gopal, Ownership ...; Maity, The Economic Life ..., стр. 21—22.

⁷⁹ См. А. М. Осипов, Краткий очерк истории Индии до X в., М., 1948, стр. 54.

дельцах на царских землях, которые, судя по «Артхашастре» (III, 24), получали четвертую или пятую часть продукции.

Вывод о множественном характере земельной собственности предполагает также допущение, что одна и та же земля могла оказаться одновременно объектом собственности ряда собственников, хотя права каждого из них были ограничены. Если, например, на участке какого-либо лица находились рудники, они считались собственностью государства, а если это частное лицо было и членом общины, последняя тоже имела определенные права на его землю.

Соотношения между формами земельной собственности, очевидно, менялись в различные исторические эпохи. Количественные показатели форм собственности установить чрезвычайно трудно, но общую тенденцию определить можно — она выражалась в росте частного и царского землевладения в ущерб общинному. Менялся и взгляд на землю как на объект собственности. Вся проблема трактовалась неодинаково не только в разные исторические эпохи, но и в разных частях страны.

На протяжении индийской древности четко прослеживается борьба различных тенденций: государственной, частной и общинной. Собирая налог с общинников, государство в лице царя охраняло их права как частных собственников и наряду с общиной предоставляло им возможность осуществлять эти права. Вместе с тем государство в лице царя рассматривало себя распорядителем всего земельного фонда и старалось расширить свои права на землю за счет прав частных лиц и общины в целом.

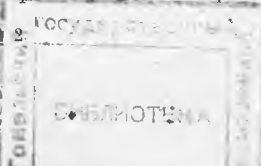
Множественный характер земельной собственности был вполне естествен и закономерен в условиях относительной неразвитости общественных отношений в рассматриваемый нами период. При сохранении большой роли общины, архаичных племенных институтов и традиций наряду с сильной государственной властью, при многоукладности социальной структуры в древней Индии второй половины I тыс. до н. э. существование только чистых форм вряд ли было возможно. Этот вывод согласуется с данными источников и находит более логичное объяснение с общетеоретических позиций.

Приведенные выше материалы греческих и индийских источников относятся преимущественно к Магадхе и соседним с нею областям. Именно здесь особое распространение получило государственное, царское и крупное частное землевладение, хотя имелась, конечно, и общинная земельная собственность. Именно здесь сосредоточивались царские поместья и царь как суверен мог оказывать наибольшее влияние на распределение земельного фонда. В районах же северо-западной Индии (и об этом интересные свидетельства оставили античные авторы), где дольше сохранялись родо-племенные традиции, где не так интенсивно шел процесс классовообразования и создания крупных государств, формы общинной собственности на землю оказались более стойкими.

Наличие различных, а часто и противоположных сообщений источников о земельной собственности послужило причиной разноречивых взглядов современных исследователей в решении этого весьма существенного вопроса.

Многие исследователи придерживались и продолжают придерживаться взгляда, что вся земля в древней Индии считалась монопольной собственностью государства, а частной земельной собственности не существовало⁸⁰.

⁸⁰ V. S m i t h, Oxford History of India², Oxf., 1922, стр. 90; о н ж е, Early History of India⁴, L., 1957, стр. 137—138; B r e l o e r, Kautitīya-Studien, I, стр. 52; S. M a i t y, The Economic Life..., 1957, стр. 44—23; W. R a u, Staat und Gesellschaft in alten Indien,

При этом ученые ссылаются на материалы о праве государства распоряжаться незанятыми землями и лесами (о чем сообщает, в частности, «Артхашастра», II, 1—2), на государственную собственность на ископаемые, находящиеся в земле (Артх., II, 1; «Ману», VIII, 39 и т. д.). В поддержку своей точки зрения они привлекали слова, приписываемые Мегасфену, что земледельцы уплачивали поземельный налог царю, так как вся Индия — собственность царя. Выше уже было предложено объяснение данным Мегасфена. Они, как мы видели, не могут служить решающим аргументом для доказательства существования в древней Индии монопольной собственности государства на землю.

Защитники указанной точки зрения ссылались на свидетельство «Артхашастры» (II, 1), что царь должен отобрать земли у лиц, не занимающихся запашкой, и отдать их другим. Это служило одним из основных доводов в пользу защищаемого мнения о монопольной собственности государства на землю. Выше мы отмечали, что это свидетельство «Артхашастры» относится не к землям частных собственников, а к государственным, поскольку речь идет о заселении необработанных земель, создании новых поселений и выдаче земельных участков во временное пользование.

Сторонники взгляда о монопольной собственности государства на землю рассматривали уплату налогов царю земледельцами как указание, по их мнению, на верховную власть царя над всем земельным фондом страны⁸¹.

Однако налог уплачивался царю как вознаграждение за охрану подданных и защиту их прав, в том числе прав частных собственников на землю.

Свидетельства источников о дарении царем деревень некоторые ученые рассматривали как факт полной собственности царя на землю, неправильно толкая при этом сообщения источников, которые имели в виду лишь передачу права на сбор налогов, а не передачу самой земли. При этом сторонниками взгляда о монополии государства на землю не учитывался целый ряд существенных материалов о частной земельной собственности в древней Индии. Это, как мы видели, многочисленные данные и парраграфы и эпиграфические источники, относящихся к различным эпохам древнеиндийской истории (преимущественно *шастры*, буддийский канон, эпиграфика первых веков нашей эры)⁸².

Анализ именно этих материалов привел многих исследователей к совсем противоположному выводу о господстве в древней Индии частной собственности на землю и отсутствие государственной земельной собственности. Однако и эта точка зрения вызвала серьезные возражения. Ее оппоненты указывали на права государства, которые ограничивали права частных лиц в свободном распоряжении землей, на существование государственных земель и царского земельного фонда.

В противоположность этим двум основным точкам зрения была выдвинута третья: об общинной собственности на землю⁸³, подтвержденная

Wiesbaden, 1957, стр. 57; Radhakrishna Choudhary, Ownership of Land in Ancient India, «Journal of the Bihar Research Society», 1967, LIII, стр. 27—52.

⁸¹ См., например, Maity, The Economic Life ..., стр. 25.

⁸² Jayswal, Hindu Polity, 1955, стр. 24; A. S. Altekar, A History of Village Communities in Western India, Oxf., 1927, стр. 80—87; Ghoshal, The Agrarian System ..., стр. 96—98; он же, Contributions to the History of the Hindu Revenue System, Calcutta, 1929, стр. 168—170; Kane, History of Dharmashastra, vol. II, pt. II, стр. 866; «The Vakataka-Gupta Age (Circa 200—550 A. D.)», Banaras, 1954, стр. 362; Adhaya, Early Indian Economics ..., стр. 25.

⁸³ См. Г. С. Мэн, Сельские общины на Востоке и Западе, СПб., 1874, стр. 7, 23—24, 62 и сл.; R. C. Majumdar, The Corporate Life in Ancient India, Calcutta,

некоторыми материалами, и прежде всего «Миманса-сутрой» Джаймини, говорящей о земле как об общем достоянии. Приведенные точки зрения, как мы стремились показать, очень односторонне трактуют проблему земельной собственности и не могут быть приняты.

В последние годы некоторые ученые, отмечая многоукладность индийского общества в древности, стараются обосновать точку зрения о существовании в тот период феодального уклада⁸⁴ и феодальных отношений⁸⁵. С подобным мнением еще в 1929 г. выступил индийский ученый Пран Натх⁸⁶, но его утверждение было подвергнуто серьезной критике. В настоящее время большинство советских и зарубежных⁸⁷ исследователей относят складывание феодальных отношений в Индии к середине I тыс. н. э.⁸⁸, хотя ряд авторов признает наличие феодализма здесь и в период V—I вв. до н. э. Е. М. Медведев, например, говорит (применительно к этому древнему периоду), что «нет никаких оснований считать, что они (рабовладельческие отношения) доминируют над феодальными»⁸⁹. Ему же принадлежат следующие слова: «Многие однотипные факты социально-экономической истории оцениваются по-разному учеными, изучающими древний период и медиевистами»⁹⁰. Однако это заявление не совсем верно, ибо медиевисты вовсе не единодушны в данном вопросе. Так, К. З. Ашрафян придерживается мнения, что развитие отдельных элементов феодальных отношений как феодального уклада начинается в первые столетия нашей эры⁹¹, что согласуется с позицией исследователей индийской древности⁹².

Защитники точки зрения о феодализме в древней Индии склонны рассматривать государственный поземельный налог, который собирался с земледельцев-общинников, как феодальную ренту. По их мысли, налог «соответствовал нормальным размерам феодальной ренты и с полным правом может быть назван феодальной рентой-налогом»⁹³. При этом они исходят из положения о наличии в древней Индии монополевой собственности на землю государства, которое посредством взимания ренты-налога эксплуатировало общинников⁹⁴.

1933, стр. 186—193. А. Альткар писал о наличии права собственности на обрабатываемую землю в руках частных лиц или семей (families)— Altekar, The Vakataka-Gupta Age, стр. 333).

⁸⁴ См. Е. М. М е д в е д е в, К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии, НАА, 1966, № 6, стр. 65—77.

⁸⁵ См. О с и п о в, Краткий очерк..., стр. 53, 54 и 67; «История Индии в средние века», М., 1968, стр. 37. В своей статье «Феодальные отношения в древней и средневековой Индии» (НАА, 1970, № 3) Е. М. Медведев обращает внимание («на наличие в древней Индии феодальных отношений» (стр. 86—87). Эта точка зрения близка к взглядам Ю. И. Семенова (Семенов, Проблема социально-экономического строя..., стр. 85).

⁸⁶ См. P r a n N a t h, A Study in the Economic Conditions of Ancient India, L., 1929.

⁸⁷ Подробнее см. G o r a l, On Feudal Polity..., стр. 405—413; о н ж е, On Some Problems of Feudalism in Ancient India, ABORI, 1963, LXIV, стр. 1—32.

⁸⁸ «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 559, 564. Эта мысль высказывается и в «История Индии в средние века» (стр. 8 и 62). Из последних работ индийских ученых можно отметить: S h a g m a, Indian Feudalism ...

⁸⁹ М е д в е д е в, Феодальные отношения..., стр. 86.

⁹⁰ М е д в е д е в, К вопросу..., стр. 69.

⁹¹ А ш р а ф я н, Проблема развития феодализма..., стр. 71.

⁹² Г. М. Б о н г а р д - Л е в и н, Г. Ф. И л ь и н, Древняя Индия (Исторический очерк), М., 1969, стр. 26.

⁹³ М е д в е д е в, К вопросу..., стр. 69. См. также С е м е н о в, Проблема социально-экономического строя..., стр. 84.

⁹⁴ «Феодальный уклад олицетворяется в преобладающей государственной форме эксплуатации посредством взимания ренты-налога с земледельцев» (М е д в е д е в, Феодальные отношения..., стр. 85). См. также Ю. К о с т и н, О древнеиндийском обществе, НАА, 1966, № 3, стр. 228.

Между тем, как было показано, государство в древней Индии не было верховным собственником всей обрабатываемой земли, а потому считать поземельный налог в целом рентой-налогом неправомерно (только на государственных и царских землях, где оно выступало собственником, налог, уплачиваемый арендаторами, действительно совпадал с рентой⁹⁵). Интересно, что К. З. Ашрафян, подчеркивая качественно иной характер взаимоотношений государства и земледельцев в древнеиндийских государствах и в феодальном обществе, отмечает, что поземельный налог, «как известно, сам по себе еще не превращает землю в собственность получателя налога»⁹⁶.

Что касается количественного совпадения поземельного налога в древней Индии и феодальной ренты в более позднее время, то этот факт, сам по себе достойный внимания, вряд ли вскрывает характер производственных отношений (кроме того, размеры налогового обложения в древней Индии в разные периоды, в различных областях страны были неодинаковыми).

Необходимо указать и на характер самого налога. Он не менялся в зависимости от величины земельных участков и фактически являлся сбором с урожая. Такого же размера налог (по, естественно, в другой форме) взимался с ремесленников и торговцев. Основной принцип выражался не в обложении земли и земельных собственников, а в получении определенной части результатов труда с тех или иных категорий населения. Характер поземельного налога определялся характером собственности на землю. В этом и должен, очевидно, заключаться ответ на замечание Е. М. Медведева, согласно которому якобы «невозможно понять, чем отличается поземельный налог в древности от средневекового»⁹⁷.

По мнению некоторых индологов, есть «все основания считать, что общинников эксплуатировали»⁹⁸ и что в древнем обществе Индии феодальные отношения палицировались «в форме частной и коллективной эксплуатации землевладельцев»⁹⁹, которая осуществлялась государственным фискальным аппаратом¹⁰⁰. «Феодальная эксплуатация, — пишет Е. М. Медведев, — возникает как государственная из выполнения повинностей, замаскированных под „заработную плату“ (bhrti) царю за охрану от врагов»¹⁰¹.

Иную позицию занимают Г. Ф. Ильин, И. М. Дьяконов и некоторые другие ученые. «Налоговое обложение, — отмечает Г. Ф. Ильин, — нельзя считать прямой эксплуатацией (присвоением чужого труда собствен-

⁹⁵ К. Маркс в «Капитале» специально подчеркивал, что налог и рента совпадают если государство является земельным собственником (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354).

⁹⁶ А ш р а ф я н, Проблемы развития феодализма..., стр. 75. Автор в этой статье отходит от точки зрения, которой она придерживалась раньше и по которой формой реализации государственной феодальной собственности была рента-налог, поскольку такая трактовка, по ее мнению, отражает лишь официальную феодальную теорию, рассматривающую государство как собственника всех земель в некоторых странах Востока. Анализируя материалы по древним обществам Ближнего Востока, И. М. Дьяконов приходит к выводу, что, поскольку царь не выступает как собственник всей земли, получаемый налог не является рентой (Д я к о н о в, Проблемы собственности..., стр. 22—23).

⁹⁷ См. Е. М. М е д в е д е в, Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма, «Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока», М., 1972, стр. 16.

⁹⁸ М е д в е д е в, К вопросу..., стр. 71.

⁹⁹ «История Индии в средние века», стр. 34.

¹⁰⁰ Там же, стр. 35. Подробно эта точка зрения применительно к странам древнего Востока излагается в статье Ю. И. Семенова (С е м е н о в, Проблема социально-экономического строя..., стр. 69—89).

¹⁰¹ М е д в е д е в, Феодальные отношения..., стр. 86.

ником средств производства)»¹⁰². «Общинники еще долго оставались свободными, не подвергавшимися прямой эксплуатации тружениками, ибо в массе были собственниками используемых ими средств производства»¹⁰³.

Лишь сидевшие на царской земле арендаторы, обязанные нести повинности в пользу царя, и земледельцы, получавшие участки из фонда государственных земель и платившие специальные налоги, — лишь эти категории производителей подвергались прямой эксплуатации.

При необоснованности вывода о монополии государства на землю, а значит, и трактовки поземельного налога в качестве феодальной ренты сама постановка вопроса о коллективной эксплуатации земледельцев как форме существования феодальных отношений теряет свою убедительность. Даже если стать на позиции тех, кто видит во взимании поземельного налога эксплуатацию свободных общинников, владевших средствами производства, трудно согласиться, что сбор этого налога (в домаурийский и маурийский периоды) есть феодальная эксплуатация. Мелкие и средние земельные собственники, ведущие самостоятельное хозяйство и обязанные государству налогами и повинностями, от этого еще не превращались в государственно-зависимых крестьян, ибо уплата налогов не свидетельствует о наличии государственной собственности на землю¹⁰⁴.

Об эксплуатации в полном смысле слова можно говорить только в плане присвоения чужого труда собственником средств производства. Эту основную (Г. Ф. Ильин называет ее прямой) эксплуатацию в древней Индии осуществляло государство (царь), когда владело средствами производства и присваивало часть прибавочного продукта у непосредственных производителей.

Но бесспорно, в классовом обществе государство (в лице царя), будучи сувереном территории, воплощением публичной власти и аппарата насилия, даже в том случае, когда не является собственником средств производства, оказывает давление на трудящиеся слои, стараясь присвоить себе часть их необходимого продукта. Царь мог при определенных условиях увеличить налоговую норму в два раза.

Налоги ложились тяжелым бременем на *вайшьев* — свободных земледельцев и ремесленников, так как брахманы и *кшатрии* нередко освобождались от обложения, а те *шудры*-земледельцы, которые были лишены земли, не включались в разряд плательщиков «царской доли».

Сторонники точки зрения о феодальном укладе в древней Индии указывают на существование «частного феодального землевладения, представленного формами полной и неполной частной феодальной собственности»¹⁰⁵ — основных типов феодального землевладения, встречающегося в средневековой Индии¹⁰⁶. При этом они ссылаются на сообщения «Артакшастры», «Законов Ману», поздних *шастр* (например, «Вишну-смрити»).

¹⁰² Г. Ф. Ильин, в кн. Бонгард-Левин, Ильин, Древняя Индия, стр. 369, прим. 36.

¹⁰³ Там же, стр. 369. «Государство может выступать эксплуататором земледельца только в том случае, если оно является собственником земли, в этом случае налог совпадает с рентой. А раз государство не является собственником обрабатываемой земли (а все данные говорят, что так именно дело и обстояло), тогда взимание им поземельного налога нельзя считать эксплуатацией, если под эксплуатацией понимать присвоение чужого труда собственником средств производства» (Г. Ф. Ильин, Основные проблемы социальной истории древней Индии, Автореф. докт. дисс., М., 1970, стр. 10—11).

¹⁰⁴ См. «Общее и особенное...», стр. 157.

¹⁰⁵ Медведев, К вопросу..., стр. 71.

¹⁰⁶ Медведев, Феодальные отношения..., стр. 85.

Прежде всего следует учесть датировку этих памятников. Они получили оформление в первые века нашей эры, а следовательно, уже отразили известные черты нового периода — периода возникновения феодальных отношений. Наличие в *шастрах* ряда сообщений, поддающихся интерпретации с «позиции сторонников феодализма», свидетельствует даже в таком случае, как нам представляется, не о продолжающемся развитии этих отношений, зародившихся будто бы в древности, а о начале процесса феодализации.

В древних источниках (в том числе и соотносимых с эпохой Маурьев — буддийские сочинения, *дхармасутры*) содержится много данных о частной земельной собственности, частных земельных хозяйствах. Однако только с первых веков нашей эры можно проследить их превращение в хозяйства феодального типа. Тогда же происходит складывание феодальных отношений, которые в середине I тыс. становятся ведущими.

В некоторых древнеиндийских текстах говорится о дарении царем деревень. Такого рода пожалования иногда рассматриваются как земельные владения феодального типа¹⁰⁷. Между тем в источниках (и в комментариях к ним) подчеркивается, что под «дарением» понимается исключительно передача права сбора налога с деревни, а не прав на саму землю¹⁰⁸. В отдельных, более поздних надписях специально отмечается, что жители должны платить брахманам, получившим в дар деревню, те налоги, которые раньше они отдавали государству. Менялось лишь лицо, в пользу которого взимались налоги, но не их размер и не положение жителей. Показательно, что при «акте дарения» никогда не указывалось количество земли и число крестьян; никаких личных отношений между ними и кормленщиками не возникало¹⁰⁹.

Часто ссылаются на один отрывок в «Артхашастре» (II, 1), где сказано: «Он — царь — должен дать жрецам, наставникам, домашним жрецам и ученым брахманам положенные брахманству земли (*brahmadeyaṇi*), свободные от взысканий и налогов (*adaṇḍakaḡaṇi*) и приносящие соответствующий (доход)». Однако надо иметь в виду, что в этой главе устанавливается порядок заселения незанятых земель, считавшихся государственными. Получая участки, брахманы не становились их собственниками, они просто освобождались от обязанностей, возлагаемых обычно на временных владельцев таких участков. Подобной привилегией, судя по тексту, пользовались не все брахманы, а лишь некоторые разряды — шротрии, пурохиты и т.д.¹¹⁰ Ряд ученых не без оснований полагают, что освобождение от налогов переданных брахманам земель (*brahmadeyaṇi*) наблюдается только в период оформления «Артхашастры». Ранние палийские тексты не указывают на предоставление им каких-либо административных прав и даже на освобождение от налогов¹¹¹.

Из материалов эпиграфики эпохи Сатаваханов ясно, что царь мог дарить брахманам и последователям других религиозных направлений небольшие участки земли лишь из своего царского фонда. Если же не было свободного резерва, ему приходилось покупать у частного собственника земли, а затем уже распоряжаться ими по своему усмотрению¹¹².

¹⁰⁷ «История Индии в средние века», стр. 37.

¹⁰⁸ См. G o r a l, *Ownership ...*, стр. 253.

¹⁰⁹ См. также Б о н г а р д - Л е в и н, И л ь и н, Древняя Индия, стр. 568. См. также R. C h o u d h a r y, *Some Historical Aspects of Feudalism in Ancient India*, JИH, 1959, 37, 2, стр. 387.

¹¹⁰ См. J h a, *Revenue System ...*, стр. 126—127; G h o s h a l, *Contribution ...*, стр. 136—141.

¹¹¹ S h a r m a, *Aspects ...*, стр. 137; J h a, *Revenue System ...*, стр. 127.

¹¹² G o r a l, *Ownership ...*, стр. 256.

Некоторые права в Декане начали передаваться, судя по сведениям саваханской эпиграфики, во II в. н. э., а в Северной Индии еще позднее¹¹³. По сравнению с данными Каутильи лишь гуптский материал демонстрирует связь брахмандей с кое-какими административными правами¹¹⁴. В этот период предоставление различных прав было уже связано с началом феодализации¹¹⁵.

Рассмотрим еще ряд сообщений, которые привлекаются для обоснования вывода о феодальных отношениях в древней Индии. В «Законах Ману» (VII, 115—119) говорится: «Следует назначить старосту для каждой деревни, управителя десяти деревень, управителя двадцати и ста, а также управителя тысячи. Управитель десяти пусть пользуется одной *кулой*¹¹⁶ земли, управитель двадцатью — пятью *кулами*, управитель над сотней деревень — деревней, управитель тысячи — городом» (аналогичный отрывок в «Вишну-смирти», III, 7, 10). В тексте речь идет только о местной провинциальной администрации; центральная, очевидно, оплачивалась из казны¹¹⁷.

В тех же «Законах Ману» (VII, 125—126) сказано, что занимавшим низшие должности на царской службе полагалось каждый месяц жалование деньгами (всего 1 *пана*) и зерном (1 *дрона*); для более высоких категорий — в шесть раз больше.

Такая система пожалований «сама по себе еще не является свидетельством феодальных отношений, так как нет оснований полагать, что земля становилась собственностью получателя или что население упомянутых деревень и городов оказывалось по отношению к нему в личной зависимости»¹¹⁸. Но подобная практика благоприятствовала зарождению этих отношений. Что же касается системы отдачи должностей на откуп, то она, по словам К. Маркса, «отнюдь не является чисто феодальной, доказательство — Рим»¹¹⁹.

В работах по социально-экономическому строю древней Индии правильно обращается внимание на отрывок из «Артхашастры», касающийся земельных пожалований государственным служащим (II, 1)¹²⁰.

Царю рекомендовалось при заселении областей, т. е. из фонда государственных земель, давать участки различным разрядам провинциальных чиновников «без права продажи и залога» (*vikrayādhanavarjāni*). Надо полагать, что участки давались только при освоении новых территорий и эта практика не носила общего характера. Свидетельство

¹¹³ До начала эпохи Гуптов эпиграфика не содержит данных о дарении земли с налоговым иммунитетом (J h a, Revenue System..., стр. 128).

¹¹⁴ S h a r m a, Indian Feudalism ..., стр. 4. В V в., судя по комментариям Буддхагхоши, брахмандей была связана с получением некоторых судебных и административных прав.

¹¹⁵ Подробнее см. Медведев, Эволюция формы индийских дарственных грамот.

¹¹⁶ Согласно комментатору Куллабхатте, *кула* равнялась размеру земельного участка, который можно было вспахать двумя упряжками волов. В комментарии к «Артхашастре» «Нитинирнिति» под *кулой* понимается участок, который можно вспахать одним, двумя или тремя плугами (в зависимости от качества земли). Самая маленькая деревня, по этому комментарию, имела 100 таких участков, а самая крупная — 500.

¹¹⁷ G o r a l, On Feudal Polity ..., стр. 407; Бонгард-Левин, Ильин, Древняя Индия, стр. 569.

¹¹⁸ Бонгард-Левин, Ильин, Древняя Индия, стр. 568. Е. М. Медведев предполагает, что одновременно переходило право и на эксплуатацию держателей земельных участков (Медведев, К вопросу..., стр. 72), но это не подтверждается материалами, относящимися к рассматриваемому периоду.

¹¹⁹ «О записях Карла Маркса, сделанных им при изучении книги М. Ковалевского „Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения“, СВ, 1958, № 2, стр. 43.

¹²⁰ Медведев, К вопросу..., стр. 71; Г. Ф. Ильин в кн. Бонгард-Левин, Ильин, Древняя Индия, стр. 569—570.

трактата Каутильи сходно с данными «Законов Ману». Оно относится лишь к некоторым разрядам чиновников и не означает, что они получали землю или право сбора налогов с деревень. Другие отрывки из «Артхашастры» (V, 3) показывают, что пожалование земель государственным служащим устанавливалось лишь в отдельных случаях. «Царь с небогатой казной может давать сырье, скот и поля, а также немного денег. Если же он имеет целью способствовать заселению пустынной местности, то пусть он дает только деньги, но не селение». Такие пожалования были временными, на период службы, без права продажи и залога. Весьма важно, что к получившему землю не переходили никакие административные права на нее¹²¹. Он просто пользовался дарами земли, что, по утверждению Кангле, «меньше всего говорит о феодальных отношениях»¹²².

Если сравнить служебные пожалования с пожалованиями брахманам, то выясняется, что последние могли, согласно толкованию Кангле, переходить к наследникам (очевидно, что подобные привилегии получали не все брахманы, а только категории, перечисленные в «Артхашастре». Существование брахманских наделов, владельцы которых имели право передать участки по наследству, возможно, свидетельствовало о возникших в период окончательного оформления «Артхашастры» отношений феодального типа¹²³.

Государственные служащие, судя по трактату, обычно получали строго фиксированное денежное жалованье и иногда дополнительно небольшое количество зерна¹²⁴. Заметные изменения в оплате их произошли в V—VI вв. н. э.¹²⁵, что отражало уже процесс формирования феодализма¹²⁶.

Таким образом, рассмотренные выше материалы не дают, как нам кажется, достаточных оснований для утверждения, что уже в VI—I вв. до н. э. (в эпоху, предшествующую оформлению «Артхашастры» и большинства *шастр*) «феодальные отношения играли большую роль»¹²⁷.

В своей статье «Феодальные отношения в древней и средневековой Индии» Е. М. Медведев предлагает отличать феодальные отношения в древности от средневековых, или «классических». Первые, по его мнению, вырастают медленно и постепенно из родо-племенных отношений и долго несут на себе их отпечаток. «Частная феодальная эксплуатация в целом была в древности очень ограничена и не приобрела еще всех классических атрибутов». Согласно схеме Е. М. Медведева, «с рубежа новой эры рабство сходит на нет, а государственная форма феодальной эксплуатации разъедается частной феодальной собственностью. Этот процесс приводит в V—VI вв. н. э. к возникновению феодальной формации средневекового типа, более близкого к логической модели»¹²⁸. Прежде всего представляется сомнительным критерий, который кладется в основу

¹²¹ См. G o r a l, On Feudal Polity ..., стр. 411—413.

¹²² K a n g l e, The Kauṭīliya Arthaśāstra, III, стр. 172.

¹²³ Кангле опирается на данные комментария «Jayamangalā», объясняющего abhiṅpradāyadakāni следующим образом: «Дети и внуки, обладающие знаниями, становились владельцами этой земли, которая не возвращалась царю» (K a n g l e, The Kauṭīliya Arthaśāstra, II, стр. 63).

¹²⁴ Служебные пожалования были известны в довольно ранний период, задолго до маурийской эпохи, и являлись, как правильно отмечает Г. Ф. Ильин, свидетельством слабого развития денежных отношений (И л ь и н, Основные проблемы социальной истории древней Индии, стр. 7).

¹²⁵ Б о н г а р д - Л е в и н, И л ь и н, Древняя Индия, стр. 568.

¹²⁶ М е д в е д е в, К вопросу..., стр. 74. По мнению К. А. Антоновой, феодализм стал развиваться в Индии в V—VII вв. (К. А. А н т о н о в а, К вопросу о развитии феодализма в Индии, КСИНА, 1952, № 3, стр. 31).

¹²⁷ М е д в е д е в, К вопросу..., стр. 77.

¹²⁸ Там же.

построений, — медленные темпы возникновения феодальных отношений из родо-племенных, а не характер собственности, которая во многом и определяет социальную структуру. Справедливо было замечено, что «признание зарождения элементов феодализма в конце первобытного общества ведет к отождествлению „патриархализма“ с феодализмом, — точка зрения, которую критиковали Маркс и Энгельс»¹²⁹.

К тому же вряд ли правомерно ставить вопрос о «классическом» феодализме в Индии в раннее средневековье и характеризовать индийскую реальность в сопоставлении с логической моделью. Задача, как нам думается, заключается в выявлении основных черт феодализма в Индии, установлении его специфики и особенностей развития. В противном случае при конструировании картины феодализма можно смешать «модель» с реальностью или даже подменить одно другим¹³⁰, можно присущие индийскому феодализму черты ошибочно объяснить незакономерными, второстепенными, отличными от «классических» или положить в основу не качественные сдвиги, а количественное преобладание соответствующих производственных отношений¹³¹.

Не разделяя точку зрения о феодальных отношениях и феодальном укладе в древней Индии, мы вместе с тем готовы признать, что даже в эпоху Маурьев — эпоху наивысшего развития института рабства — прослеживаются явления, которые, не будучи феодальными по своему характеру, содержали в себе элементы, имевшие тенденцию при определенных условиях развиваться в направлении феодального способа производства. К таким явлениям относились арендные отношения¹³², наличие частных земельных хозяйств, практика дарения земли, земельные пожалования, монастырское землевладение и т. д.

В специфических условиях древней Индии — при первостепенной роли общины, ограниченной сфере применения рабского труда, архаичности многих социальных институтов, сохранении пережитков первобытных отношений — перечисленные выше явления были зародышами будущих феодальных отношений. Иногда внешне они принимали форму, сходную с явлениями феодального типа, но в древней Индии (в эпоху Маурьев, в частности) по своему содержанию и функциональной нагрузке (роли в общественной структуре) еще не были элементами феодального способа производства¹³³.

Те же свидетельства «Артхашастры» и «Законов Ману», которые приводятся для обоснования тезиса о феодальном укладе в древней Индии, следует связывать с периодом первых веков нашей эры, с эпохой, когда действительно складывались и укреплялись феодальные отношения. Сказанное, однако, не означает, что таков был путь развития их во всех областях огромной страны. Процесс феодализации протекал по-разному в различных районах. В Декане и некоторых областях Юга слабое развитие рабства ускорило его¹³⁴, в ряде областей переход к вторичной формации

¹²⁹ См. К о с т и н, О древнеазиатском обществе, стр. 229.

¹³⁰ Подробнее см. А. Я. Г у р е в и ч, Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе, М., 1970, стр. 10—11.

¹³¹ Ср. М е д в е д е в, Феодальные отношения..., стр. 87.

¹³² Арендные отношения в древней Индии были довольно развиты: особое развитие они получили в первые века нашей эры. Этот вопрос заслуживает специального внимания.

¹³³ Ср. мнение Г. А. Меликишвили: «Эти социальные связи превращаются в раннефеодальные и затем феодальные очень не скоро, когда качественно изменяется характер производственных отношений» (Г. А. М е л и к и ш в и л и, Характер социально-экономического строя на древнем Востоке, НАА, 1972, № 4, стр. 61—62).

¹³⁴ См. Б о н г а р д - Л е в и н, И л ь и н, Древняя Индия, стр. 519.

феодалного типа протекал не через стадию рабовладения, а непосредственно от первичной формации¹³⁵.

Вопрос о социальной структуре древнеиндийского общества весьма сложен и требует новых изысканий, разработок, анализа дополнительного материала. Каждый из аспектов проблемы в целом должен рассматриваться не изолированно, а в непосредственной связи друг с другом.

Дискуссия о социально-экономическом строе стран Востока, очевидно, еще будет продолжена, но уже сейчас ясно ее положительное значение для индологии. Она заострила внимание на сложности социальной структуры в древней Индии, на необходимости глубокого анализа тех общественных явлений, которые не укладываются в традиционные и некогда безоговорочно принимаемые схемы.

OWNERSHIP OF LAND IN ANCIENT INDIA

by G. M. Bongard-Levin

In spite of its obvious importance the problem of landownership in ancient India has not yet found a satisfactory solution in the Indological literature. The opinions of scholars have differed very greatly. Three views are best known: 1. that the state owned all the land, there was no private property in land; 2. that private ownership of land prevailed; 3. that the land was owned communally.

The author examines the arguments put forward in defence of these three views and finds that many of the theoretical postulates involved are faulty. Basing his discussion on the evidence of a great number of written sources (the sutras, the śāstras, Buddhist and Jain texts, epigraphical documents, grammatical treatises, et al.) he concludes that landownership in ancient India was plural in character: besides land owned by the state and the king there were privately and communally owned lands. The relative importance of the different forms of property in land changed in different historical periods. The general tendency of development can be established: private and royal ownership tended to grow at the expense of communal. Recognition of the simultaneous existence of several forms of property in land presupposes the possibility that one and the same tract of land might have several owners, though each of them had limited rights.

The «plural» character of landownership was a quite natural consequence of the relative immaturity of social relations in ancient India in the first half of the I millennium B. C. Solution of the problem of landownership is directly connected with solution of the more general problem of the character of social relations in ancient India. The author discusses the arguments of scholars who maintain that feudal relations existed in ancient India (even in the Maurya period), citing various sources which reveal the unsoundness of this view.

¹³⁵ Ср. М. В. Крюков, Социальная дифференциация в древнем Китае (опыт сравнительно-исторической характеристики), сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 249.